

18+ ФЭИ

ДЕНИС ВЕПС

**ТЬМА
ВНУТРИ
НАС**

Эдда Фэй

Тьма внутри нас

«Издательские решения»

Фэй Э.

Тьма внутри нас / Э. Фэй — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-906878-1

В день до Апокалипсиса на Земле не останется ни одного человека. Многие ли устоят перед соблазном безнаказанно брать то, что им так не хватало? Многие ли решатся сделать то, о чём так мечтали? Кто перед лицом неминуемой гибели поддастся внутреннему Зверю, а кем будет двигать любовь и сострадание? Конец света уже наступил, он уже здесь. Потому что — ТЬМА ВНУТРИ НАС

ISBN 978-5-44-906878-1

© Фэй Э.

© Издательские решения

Содержание

Pequenos grandes pecadores	6
Маленькие большие грешники	7
Best friend	17
Лучший друг	18
Blodig farvel	26
КРОВАВОЕ ПРОЩАНИЕ	27
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Тьма внутри нас

**Эдда Фэй
Денис Вепс**

© Эдда Фэй, 2021

© Денис Вепс, 2021

ISBN 978-5-4490-6878-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Pequenos grandes pecadores

Маленькие большие грешники

«Не говори плохо о моей фавеле – моя фавела совершенна!» – с этой фразы и началась история восхождения Паоло. Или история грехопадения босоногого мальчишки: кому как угодно. Беда случилась не в тот момент, когда заветные слова вырвались из растрескавшихся уст, нет, то было лишь предзнаменованием. Возвышение юнца из трущоб Рио-де-Жанейро берёт своё начало даже не в момент драки с обидчиком, дерзнувшим посмеяться над неказистым гетто. И не в тот миг, когда ослеплённый яростью мальчишка обнаружил, что избивает поверженного противника, вдавив его коленом в грязь улиц. Всё случилось гораздо позднее, когда Паоло, выбиваясь из сил, втиснулся в щель между уродливыми строениями и рухнул там, когда он дрожал от страха в ожидании того, что погоня настигнет его, а она всё не появлялась, когда он, наконец, вылез из своего укрытия и осознал, что за ним никто не придёт. Никому во всём мире не было дела до мажора, распластавшегося в грязи. Всем был безразличен и мальчишка с кулаками, облепленными заскорузлой коркой сохшейся крови. И в этом всеобщем безразличии юный хулиган обрёл истину.

Он не пошёл домой. Движимый болезненным любопытством, Паоло кружил тесными проулками фавелы, постепенно приближаясь к тому месту, где избил нахального горожанина. Мальчишка уже намеренно шёл посередине узеньких улочек, почти надеясь, что его заметят и всё же привлекут к ответственности. Но никому не была интересна минувшая стычка. Человечество было обеспокоено проблемой куда большей, чем пресловутая драка на окраине гетто – мир затаился в ожидании конца света.

В тот момент, когда Паоло встал над бурым пятном на песке – всем, что осталось от мажора, убравшегося восвояси, мальчик понял, что с всеобщим безразличием приходит и безнаказанность. Можно делать всё, что угодно, всё, от чего раньше удерживал нависающий страх расплаты. Полиция не станет обращать внимания на мелкие делишки, творящиеся руками мальчишки, а у Паоло никогда и не было больших запросов.

Осознав это, прочувствовав это всем своим нутром, затрепетав от предвкушения скорой наживы, Паоло направился напрямик к заброшенному домишке, стоящему у самого обрыва. Там, в ветхой халупе, к которой с каждым днём всё ближе подбиралась бездна, они с друзьями часто собирались, чтобы поделиться сплетнями, вырученной или украденной мелочью, и просто повалить дурака. Дело клонилось к полудню, а потому он нашёл на месте почти всех своих приятелей – в это время далеко не каждый турист рисковал высунуться на улицу, а значит, беспризорникам нечего было и думать о лёгких деньгах в виде подаяний или бумажек, выхваченных из рук зазевавшегося гостя. Паоло вошёл и, победоносно воздев окровавленные кулаки, возвестил о своём открытии – о полной свободе босоногого народца.

Из сумбурной речи юного проповедника мальчишки уяснили только одно – полиции, которая и раньше-то ограничивалась сбором дани, теперь на улицах не стало вовсе. Взволнованные этой новостью, они стали наперебой выкрикивать предложения о том, как воспользоваться неожиданной удачей. Все, едва не до драки, стояли на своём, однако, фантазия голодных мальчишек не выходила за пределы воровства еды. Один лишь Паоло знал, что использовать сложившуюся ситуацию можно куда более выгодно. Он вновь вскинул над головой кулаки, призывая оборванцев к молчанию. Вид чужой спёкшейся крови на руках Паоло подействовал на мальчишек моментально, и те притихли, глядя на самопровозглашённого лидера.

В наступившей тишине Паоло спокойно и уверенно изложил свой план: они не будут больше довольствоваться крохами и объедками – он приведёт их к сытой и красивой жизни, которой все они достойны. Босоногая толпа тут же радостно взревела, поддерживая своего нового лидера, и лишь один парень, из тех, что постарше, поднялся и, дождавшись пока гомон стихнет, заявил:

– Хватит полоскать нам уши своими красивыми обещаниями. Мало мы слышали их по радио от политиков? Выкладывай, что у тебя за план?

Паоло посмотрел на восставшего, для себя отметив, что с этим нужно будет разобраться как можно быстрее. Себастиан не был похож на того, кто может сорвать с него только что надетую корону, но юнец решил не рисковать.

Целью Паоло стал дом человека достаточно зажиточного, чтобы в нём можно было рассчитывать на поживу, но не столь богатого, чтобы тот смог позволить себе охрану или дорожную сигнализацию. Мальчишка знал подходящее место, потому как сам подрабатывал там несколько месяцев тому, пока его с треском не выгнали, поймав на воровстве. Двухэтажный домик располагался в нескольких кварталах от фавелы и принадлежал мелкому торговцу, державшему на первом этаже лавку с сувенирами. Безделушки, к удивлению мальчишка, приносили хороший доход в туристический сезон, а потому можно было надеяться если не на кассу, то точно на накопления старого скряги.

Вдохновлённые идеей, босоногие разбойники не стали тратить времени на подготовку хоть сколь-либо стоящего плана, а сразу с наступлением ночи двинулись на дело. В их детском воображении всё выглядело куда как проще: вошли, взяли деньги и ушли. Гурьбой оборванцев, переговариваясь и посмеиваясь в голос, они прошли по извилистым улочкам фавелы и лишь ступив на асфальт широкой городской улицы, заметно стихли. Перед ними открылся мир, совершенно отличный от того, в котором они привыкли выживать: дома, чем дальше, тем выше, стройными колоннами уходили во тьму, из которой их то тут, то там выхватывали озёра света фонарей. В этом месте чувствовалась сытая сила, только от лени своей терпящая у подножия дикого, голодного, затравленного зверя – фавелу, город-призрак, населённый забытыми людьми, обосновавшимися в нагромождениях уродливых сооружений, которые только безумец назовёт домами. Теперь идея ограбления городского дома не казалась им такой уж беззаботной. Тем не менее, мальчишки слишком боялись проявить свою слабость перед другими представителями босоногого братства. Они переминались на самой границе фавелы и города, поглядывая друг на друга в надежде, что кто-нибудь первый даст слабинку и отступит. Паоло, который и сам трусил едва ли не больше других, не мог позволить остальным порушить все его планы – вот так сразу – в самом начале пути. Собрав остатки самообладания, мальчишка шагнул в сторону освещённой улицы и услышал за своей спиной сдавленные вздохи, окрашенные разочарованием и страхом. Так или иначе, босоногая ватага двинулась следом за своим лидером, теперь уже помалкивая и настороженно поглядывая по сторонам.

Паоло не вёл новоиспечённую банду по середине улицы, да мальчишки и сами не лезли туда, стараясь держаться края, окутанного тьмой ночи. И всё же на безлюдных улицах спящего города их поджидали. Когда позади послышалось угрожающее шуршание покрышек об ещё горячий асфальт, мальчишки замерли, пытаясь сродниться с тенями. Всем сразу показалось, что это была засада, что об их плане давно всем было известно и всех их только и поджидали, чтобы схватить и казнить сразу же, не тратя время и деньги честных налогоплательщиков на унылые судебные тяжбы. Напрасно банда оборванцев пыталась скрыться в лохмотьях ночи, два ярких прожектора фар выхватили из темноты их тщедушные грязные фигуры. Машина замерла, слепя мальчишек и утробно рыча. У кого-то из незадачливых разбойников подкосились ноги, кто-то тихо пискнул, дав крик отчаяния, но никто не двинулся с места – страх приковал их всех. Внезапно громогласный вой сирены ударил им в уши. Через яркие лучи фар пробились синие проблески маячков полицейской машины, послужившие сигналом к панике. Банда бросилась в рассыпную.

Сам Паоло позорно скрылся за высоким забором, на удивление проворно перемахнув ограду. От охватившего его страха, колени мальчишки подогнулись, и он рухнул на землю, прижавшись спиной к доскам. В уши ударил залиvistый хохот полицейских, явно довольных

своей проделкой. За спиной Паоло снова зашуршал асфальт и патруль стал удаляться, пока шелест шин не растворился в тишине ночи.

Паоло потерял счёт времени. Казалось, прошла вечность, прежде чем мальчишка решился наконец подняться и подтянуться на краю забора, выглянув на улицу. То, что он с лёгкостью проделал, подгоняемый паникой, теперь давалось с трудом. Там, за высокой оградой, город продолжал мирно спать. Мальчик, кряхтя и соскальзывая, кое как перевалился через забор и направился дальше. Отступать он не хотел – слишком быстро рушилась его мечта на скоростистое, но безбедное существование. Повесив голову, Паоло шёл к цели уже ни от кого не скрываясь.

На удачу, он встретил несколько беглецов, понуро бредущих ему на встречу – в сторону фавелы. По их лицам было видно, что они не очень-то и рады встрече с лидером развалившейся банды, но, не решившись перечить некому приказу Паоло, мальчишки с тем же обречённым видом поплелись за ним. Ещё одной подобной шутки поредевший отряд бы не вынес, а потому юный разбойник повёл свою ватагу окружным путём, пробираясь дворами и переулками. Здесь они рисковали попасться на глаза сторожевым псам, но их Паоло боялся куда меньше, чем рэкетиоров в форме.

Наконец они достигли цели. Окна дома зияли тьмой, сливавшейся с сумерками ночи. Хозяева мирно спали, пока к ним приближались грабители, озлобленные первыми неудачами.

Мальчишки долго всматривались в чёрные омуты зарешеченных проёмов, словно готовясь прыгнуть в бездну – всего несколько шагов отделяло их от той сказочной жизни, что обещал им Паоло, и всё же никто не спешил окунуться в рай из блаженной неги, потому что перед тем следовало порядком измазаться в грязи. И в этот раз самопровозглашённый лидер первым вышел из сумрака, ступив на обжигающий камень асфальта. Чёрная слякоть битума липла к босым пяткам мальчика, раскалённой смолой сковывая ноги, словно пытаясь удержать его от тех нескольких шагов, что он намеревался сделать в конце своего пути к счастью.

Оказавшись на той стороне, Паоло вгляделся во тьму, где всё ещё ждали незапятнанные чернотой души. Он в нетерпении коротко свистнул, словно охотник, подзывающий гончих псов, и в тот же миг из чёрного тумана сумерек вырвались тени спутников. Их осталось трое – тех, кто решился идти до конца. Паоло беззвучно выругался, проклиная остальных и клеймя их трусами.

Когда подельники наконец преодолели переправу и выстроились перед Паоло, прижимаясь к горячему камню стены, он молча поприветствовал кивком самых преданных своих последователей, а затем положил руку на плечо Коротышки.

Мария Эдуарда уже три года как жила на улице, совершенно позабыв о своих родителях, как те, в свою очередь, позабыли о ней. Единственная девчонка в босоногой своре юных нищих, она всегда была впереди, как при выполнении самой грязной работы, так и при дележе, хотя была ниже всех ростом, за что мальчишки абсолютно беззлобно и прозвали её Коротышкой. Девочка, без слов всё поняв, лишь взглянула на распахнутое окно второго этажа, и стала проворно взбираться по металлической решётке. Уже спустя несколько секунд Мария скрылась в проёме.

Мягко, совершенно по-кошачьи, ступив на прохладный пол, девочка замерла и стала прислушиваться к звукам спящего дома, с трудом пробивавшимся через оглушительную дробь её испуганного сердца – Мария раньше залезала в чужие карманы, но в чужом доме ей бывать ещё не приходилось. Поняв, что обитатели дома не почувствовали её вторжения, девочка на согнутых, дрожащих ногах стала красться к чёрному прямоугольнику дверного проёма, разительно выделявшемся на фоне сумерек комнаты. Сдавленный писк заставил сердце девочки рухнуть в бездну отчаяния. Медленно, словно в предчувствии скорого ружейного залпа, Мария повернулась в сторону звука. В небольшой кроватке мирно спал мальчик лет пяти, изредка что-то бормоча себе под нос. Ему что-то снилось. Кошмары произошедшего или ещё не сбывше-

гося терзали детскую душу. Девочка сглотнула, пытаясь протолкнуть застывший в горле холодный ком, а затем, бросив неуверенный взгляд на дверной проём и окно, бесшумно скользнула к кровати. Лицо мальчика исказило гримасой ужаса, а губы начали тонко подрагивать, словно в преддверии плача. Мария осторожно потянула за край сползшего одеяла, укутывая малыша, а затем, не в силах сдержать порыв, коснулась горячего лба мальчика своими крохотными пальцами. Почти чёрные от введшейся в кожу грязи, они разительно выделялись на фоне смуглой здоровой кожи малыша. Она провела ладонью по его взмокшим волосам, и мальчик притих, почувствовав ласку. Кошмар отступил обратно в тень неизведанного.

Мария присела рядом с кроваткой и огляделась. Стены комнаты украшали рисунки зверей из мультфильмов, даже в это сумрачный час казавшиеся жизнерадостными и весёлыми. На полках, кто свесив лапы, а кто просто лёжа у края, расположились игрушки. Вся комната была буквально заставлена ими. Девочка никогда не видела столько игрушек в одном месте. Она крадучись, будто забравшийся в сокровищницу вор, подошла к одной из полок и сняла с неё плюшевого медведя. На вид он был очень старым, гораздо старше мальчика, а может быть даже и его родителей. На его теле остались едва различимые рубцы от шрамов, стянутых заботливой рукой крепкими нитками, а на правой лапе красовалась небольшая, аккуратно прилаженная заплатка.

– Это Барни... – шёпот из-за её спины резанул по ушам.

Мария вздрогнула, едва не выронив медвежонка, а затем, совладав с собой, медленно повернулась. Мальчик лежал с открытыми глазами, глядя на неё без страха и даже с любопытством.

– Тебе нравится?

Горло Марии пересохло от страха и волнения, и она с трудом нашла в себе силы, чтобы кивнуть. Мальчик улыбнулся.

– Возьми его себе. Он твой. – Прошептал он и закрыл глаза.

Паоло уже начинал волноваться. Марии не было слишком долго, и лишь царящая в доме тишина успокаивала, оглашая, что хозяева всё ещё спят и не знают о приближающейся беде. Оставшиеся подельники уже порядком нервничали, поминутно поглядывая по сторонам и всё чаще оборачиваясь к озеру света уличного фонаря, из которого они недавно вынырнули в ступавшиеся у дома сумерки. Паоло прильнул ухом к двери, пытаясь различить хоть что-нибудь, хоть единый звук, служивший вестью о том, что всё идёт по намеченному плану.

Шум решётки отвлек его, и мальчишка с подельниками бросился за угол, к окну, в котором недавно скрылась их подруга. Коротышка проворно спускалась по прутьям, явно торопясь оказаться на земле. Она помогала себе лишь одной рукой, потому что другой прижимала что-то к груди, страшно боясь выронить это или показать кому-то. Её пятки ещё не коснулись асфальта, как она, увидев спешащую подмогу, испуганно бросила:

– Там ничего нет.

Паоло остолбенел. Это было предательством. Бунт среди ближних последователей был недопустим. Он со всего маху отвесил Марии звонкую оплеуху. Девочка даже не вскрикнула.

– Какого дьявола, Коротышка? – зашипел он разъярённой змеей. – Живо ползи обратно и открой нам дверь.

Она взглянула на Паоло маленьким затравленным зверьком и, сжав кулачки, звонко бросила:

– Нет!

Вне себя от ярости, мальчишка занёс руку для следующего удара, уже сцепив пальцы в кулак, но что-то остановило его на полпути к заплаканному детскому личику. Он яростно сверкнул глазами, ища помеху. Крепко сжимая его запястье, чуть сбоку и сзади стоял

Себастиан. Он лишь коротко покачал головой в ответ на пронзительный взгляд Паоло, а затем расцепил пальцы и встал подле Марии, которая рядом с ним выглядела совсем уж крохотной.

Достоинство самопровозглашённого лидера была поправлено, и он не собирался это оставлять без ответа. Паоло знал, что ему не выстоять против Себастиана в открытой схватке, знал он и о том, что последний его подручный тут же отступится, если почувствует, что драка неминуема. Но мальчишка ничего не мог поделать – отступись он сейчас, и молва улиц быстро откинет его на самые задворки фавелы. Куда уже дальше?

Паоло спасло движение в доме. Хозяева, видимо почуяв неладное или ещё по какой причине, поднялись из тёплых постелей и принялись рыскать по дому. Окна стали загораться одно за другим, грозя в любой момент окутать своим светом затаившиеся в сумраке тени оборванцев. Паоло, натянув маску озлобленной надменности, кивнул разваливающейся банде, указав в сторону переулка, в котором они и скрылись. Ныряя в темноту, юный разбойник заметил, как Коротышка обернулась и кивнула кому-то. Он проследил за её взглядом и в единственном тёмном проёме окна увидел крохотную тень, следящую за беглецами.

Они пировали.

В маленьком домике на самом краю обрыва безродные мальчишки торопливо набивали животы, мешая сладости с чипсами и газировкой, в промежутках восхваляя храбрецов, вернувшихся с добычей. Паоло, сидя во главе импровизированного стола, со сдержанностью короля принимал благодарности, ленно кивая в ответ. Никто из них, из четвёрки вернувшихся, не стали рассказывать, чем окончился абсурдный план Паоло. Всем сделалось стыдно ещё на подступах к убежищу. Всем по-разному: Марии от причастности к этому грязному делу; Паоло от того, что не смог удержать банду, развалившуюся прямо на глазах. Тем не менее, удача всё же улыбнулась им этой ночью: в переулке, которым они скрывались от несуществующей погони, юные разбойники наткнулись на дилера, промышлявшего марихуаной. Паоло выместил на бедняге всю свою злость, заставляя единственного подручного следовать его примеру. Вдвоём они едва не вышибли дух из торговца, при котором оказалось изрядно наличности. Теперь, желая возвеличиться для дел грядущих, Паоло позволил пировать всем, как будто те, кто предал его в самом начале, так же были причастны к их ночному разбою.

Мария и Себастиан были отлучены от стола. Впрочем, они и не горели желанием присоединиться к пиршеству. Эти двое, ещё до того, как стол стал ломиться от яств, собрались и скрылись в предзакатных сумерках, оставив мрачное веселье на долю Паоло. Его это более чем устраивало.

Признаться, напускное спокойствие давалось юному разбойнику с трудом. Он прекрасно понимал разницу между избиением мажора, по своей воле забредшего в неблагополучный квартал, и нападением на торговца травой, дежурившего на своём месте. Каждую секунду мальчишка ожидал, что бандиты нагрянут к ним, сея хаос и смерть, и всё же не мог прервать пиршества. Ему нужны были все эти босоногие маленькие люди в лохмотьях. Ему нужно было завоевать их внимание и уважение. Он хотел достичь большего, пока позволяло время, стремительно утекавшее в этом разваливающемся на части мире.

Время шло, возгласы за столом перетекли в вялую сытую беседу. Кто-то из подданных уже мирно сопел, завалившись прямо на пол. И это тихое блаженство всё никак не нарушало нервное шуршание шин по щёбёнке, переходящее в злые крики и щелчки передёргиваемых затворов. За ними не придут. Всем было всё равно. И бандитам тоже.

Вдохновлённый этой идеей, Паоло величественно поднял руку, призывая к молчанию тех немногих, у кого ещё были силы и желание говорить.

– Крысы, – сказал он спокойно, но достаточно громко, чтобы его услышали все. – Крысы, так они нас называли. Все те, кто живёт в городе, те, кто выбросил нас за его пределы, лишил нас того, что мы заслуживаем, что по праву принадлежит нам. Мы – крысы, питающиеся объ-

едками с их стола. Мы рождаемся и умираем в грязи, каждый день сражаясь за свою жизнь. Нас травят бандитами в униформе, нас презрительно обходят стороной, в нас бросают камни и проклятия. За что? За то, что мы – крысы. За то, что они нас сделали такими. Но теперь, в этот тёмный час, когда весь город, целый мир наводнила чума паники и страха, теперь настало наше время! Мы выйдем из своей помойки и наводним этот город! Мы клыками и когтями будем драть их, отнимая то, что принадлежит нам! Мы идём и не знаем пощады! Потому что мы – крысы!

Паоло сам не заметил, как, распаяясь от собственной речи, вышел на середину стола, сбивая блюда с остатками еды и питья. Тем больше был эффект, произведённый на его босоногий народец. Сон и леность пропали из глаз мальчишек – их взгляды были прикованы к своему жожаку и, когда он закончил, домик над обрывом сотрясло от громкого клича. Стая сплотилась. Крысы жаждали крови.

Паоло не спал весь день, разрабатывая план нападения на город. Теперь его уже не интересовали дома обычных торговцев – почувствовав вкус денег и безнаказанности, он хотел большего. В его списке оказались ювелирные лавки, бутики и супермаркеты: все те места, в которых, как он был уверен, было много наличности.

Последние часы перед закатом мальчишку трясло от жажды, он уже наяву видел огромные сумки, набитые новыми хрустящими купюрами, цветной бумагой, что даёт свободу – билетами в жизнь. Остальные тоже были на взводе – в них занималась ярость, взлелеянная речами Паоло. И его это радовало.

Как только последние лучи солнца померкли в наступающем сумраке ночи, крысы хлынули из дома над обрывом. Молча, озлобленные грязные твари ринулись общим потоком по узким проулкам фавелы, чтобы, достигнув края города, разбиться на несколько ручьев, стремительно затерявшихся во тьме переулков.

Паоло вёл свою стаю к самому сладкому месту, оставив более мелкие цели на откуп остальным отрядам банды. Бесшумными тенями они неслись почти до самого центра города, чтобы там, не останавливаясь ни на секунду, под звон стекла и вой разбуженных сирен, ворваться в ювелирную лавку. Мальчишки влетели в тесный магазинчик, не обращая внимания на рассыпанные по полу осколки, впивавшиеся в босые ноги, и тут же принялись крушить витрины, запихивая за пазуху драгоценности пополам с битым стеклом. Сам же Паоло торопливо пробрался к кассе и, раскурочив её, схватил дрожащими руками разноцветные банкноты. Мальчишка поднёс смятые, запятнанные его собственной кровью деньги к носу и глубоко вдохнул, млея от сладкого запаха.

Где-то вдали завывали сирены патрульных машин и крысы, цепляясь за награбленное, рванули обратно к своей норе. Они бежали, что было сил, то по одиночке теряясь во тьме подворотен, то сбиваясь в небольшие группки, перемещаясь совершенно непредсказуемо, следуя врождённому инстинкту. Полицейские, сбитые с толку очагами крыс, проявивших себя по всему городу разом, были бессильны. Через час дом над пропастью заполнился ликующей толпой, швыряющей в воздух деньги и драгоценности.

Паоло, сжимая в руках окровавленные банкноты, прошёл к своему месту во главе стола и, воздев их над головой, крикнул:

– Крысы!

Все тут же смолкли, преданно глядя на своего жожака – ни один из стаи не пропал, никто из нападавших не пострадал. Это была огромная удача и все они чувствовали, что обязаны этим Паоло.

– Сегодня наша ночь! Празднуйте и веселитесь! Теперь это всё ваше! Помните, кто подарил вам всё это!

В исступлении, мальчишка швырнул окровавленные деньги в толпу, и стоя тут же приняла их, побросав остальные ценности и грызая именно за эти цветные бумажки, отмеченные кровью вожака.

Паоло устало рухнул в своё кресло и, прикрыв веки, стал наблюдать за вознёй своих подданных. Ещё несколько дней назад он был никем, а теперь стал королём.

После сокрушительного успеха уже никто не смел перечить слову Паоло – босоногий народец негласно короновал мальчишку. По улицам города сновали патрули, всё чаще пробираясь в узкие проулки фавелы. От стен города разило страхом, а от полицейских – ненавистью. В этот час разумнее всего было бы затаиться и почивать на вырванных богатствах, но юный король нищих думал иначе. Паоло, почувствовав в своих грязных ладонях хвост удачи, схватился за него покрепче и уже готовился громить новые цели, приумножая казну нищего народа. Уже прошли почти сутки, а законная коррумпированная власть так и не смогла дотянуться до его обители, заплутав в лабиринте улочек и переулков фавелы. Здесь, в крепости над обрывом, они были в безопасности.

Первым своим указом новый король отправил посыльных с награбленным за оружием.

– Крысам нужны клыки! – вещал Паоло с трона. – Если кто сунется к нам, то он почувствует вкус крови. Своей крови! Не жалейте камней и бумаги – мы возьмём ещё. Стекло и фантики – меньшая плата за право огрызаться.

Вдохновлённые проповедью, они уносили золото и бриллианты, а возвращались с пистолетами и патронами. Взрослые с радостью отдавали детям оружие, в обмен за жёлтый металл и огранённое стекло, и уже вскоре у каждой крысы были клыки.

Охваченный азартом, Паоло ещё мог остановиться, у него было время отступить, сойти с этого пути, ведущего во тьму. Он мог, но не хотел. Юный король рассуждал просто: «Раз уж весь мир катится в пропасть, то почему мы должны идти в последних рядах?» И Паоло не собирался отказываться от своего кратковременного грязного счастья. Он уже наметил следующую цель, оставив мелкие затеи по ограблению магазинов и лавочек своим менее расторопным подданным. На исходе дня Паоло собрал приближенных.

Под покровом ночи, ступая тенями, они двинулись к городу, и, миновав границу, растворились во тьме переулков. Патрули, взбешённые новыми нападками крыс, завывали то тут, то там, снуя по улицам, тщетно пытаясь догнать ускользавших разбойников. Паоло вёл свою банду почти не скрываясь, зная, что цепные псы слишком увлечены погоней за оборванцами, крушащими магазины. Они добрались до места так быстро, словно то была не разбойничья вылазка, а полуночная прогулка.

Высокое здание отеля возвышалось посреди небольшой площади. Окружённое изгородью забора, оно переливалось светом множества окон. Внутри, не смотря на царящий в ночи хаос, без оглядки на приближающуюся смерть, гремел праздник. Люди тратили баснословные суммы, точно зная, что деньги им уже больше не понадобятся, а отель продавал им веселье втридорога, словно лелея мечту откупиться от конца света. Теперь, в преддверии всеобщей смерти, людские законы потеряли всякий смысл, и в стенах отеля было дозволено всё, лишь бы позволял кошелёк.

Ещё на подступах к отелю завидев толпу маленьких оборванцев, двое дежуривших у врат здоровяков в костюмах подступили ближе, преграждая им путь дальше. Один из них даже вытянул руку в предостерегающем жесте, да так и замер, уткнувшись взглядом в воронёный ствол пистолета, нацеленный ему прямо между глаз. Второй охранник безмолвно повиновался ещё одному юному бандиту, взявшему его на прицел. Остальные разбойники беспрепятственно вошли в ворота и поспешно, но без лишней суеты, направились в холл отеля.

Грохот музыки скрыл их появление. Не сговариваясь, стая бросилась врассыпную, окружая ничего не подозревающих жертв, и лишь один Паоло с достоинством истинного монарха

шёл через толпу, расталкивая людей, трясущихся в экстазе танца. Добравшись до стойки диджея, мальчик направил ему в лицо ствол пистолета и тот, не задумываясь ни на секунду, поспешно скрылся во тьме ближайшего проёма. Разбойники закрыли двери и выставили оружие, Паоло выдернул провод, оборвав немелодичное дребезжание колонок, и подступил к микрофону.

– Доброй ночи, дорогие гости славного города Рио-де-Жанейро, – спокойно и даже слишком буднично, произнёс он. – Мы не задержим вас надолго. Наша труппа покажет всего один небольшой фокус, а после вы снова сможете веселиться.

Из зала раздались недовольные возгласы, а один из наиболее решительных гостей даже направился к сцене, чтобы вышвырнуть мальчишку, но замер, уставившись на нацеленный в него пистолет.

– Нет-нет, не стоит портить остальным праздник, дорогуша, – покачал Поло пальцем свободной руки. – Итак, о чём я? Ах да, немного особой уличной магии. Я назвал этот фокус: «Исчезновение барахла». Да, именно так. Сейчас мои ассистенты пройдут меж вас, неся в руках вместительные мешки. Я любезно прошу вас поучаствовать в нашем представлении и отдать все ценности, которые есть при вас. Особенно для нашего фокуса подойдут банкноты и украшения.

Паоло обвёл всех презрительным взглядом.

– Ну, чего же вы ждёте?

В толпу ринулись сразу несколько разбойников. Тыча в гостей воронёнными стволами, они торопили тех расстаться с ценностями, молча угрожая расправой. Вид вооружённых детей пугал многих, и почти все беспрекословно подчинялись, бросая в мешки всё, что находили в карманах и клатчах, остальное разбойники срывали сами. Не прошло и минуты, как несколько мальчишек до нитки обобрали ошеломлённую толпу. Однако время не играло детям на руку, первый шок спал и Паоло стал наблюдать, что на лицах некоторых взрослых изумление сменяет ярость.

– Вы думаете, мы тут шутки с вами шутим?! – визгливо вскрикнул мальчик, поднимая зажатый пистолет вверх.

В подтверждение серьёзности своих намерений, Паоло вдавил спусковой крючок, и в тот же миг уши его ожгло залпом выстрела. Стараясь перекричать звон в голове, он надрылся, приказывая всем лечь, угрожая скорой расправой каждому, кто его послушается. Он не слышал собственного голоса, но был уверен, что заряженный пистолет в руке придаст ему достаточно грозности для устрашения толпы. Хотя, со стороны, Паоло и был похож на истеричного мальчишку, которому взрослые отказали в какой-то безделице, это пугало куда больше, чем вид самого отъявленного головореза. Заложники поспешно подчинились, ложась на паркет. И лишь одна женщина осталась стоять недвижно. Облачённая в вечернее платье нежно-кремового цвета, с неброским макияжем на привлекательном личике, она казалась совершенно неуместной на этом празднике тщеславия и людской безрассудности, словно бы зашла сюда ненароком, подобно мотыльку, привлечённая светом дюжины окон. Она стояла, растерянно глядя на обряженного в лохмотья мальчика, прижимая руки к груди. Из-под её ладоней разрасталось пятно, окрашивавшее крем в алый. Она рухнула.

Крик волной прокатился по залу, обрушившись на Паоло. Мальчишка во все глаза смотрел на застывшее тело незнакомки, не понимая, не желая понимать, почему та не дышит. Постепенно осознание содеянного стало захватывать его, парализуя мелкой дрожью.

– Но это не я, – бормотал он едва слышно. – Я же стрелял в потолок. Это не я.

Паоло почувствовал, что его схватили маленькие, горячие, влажные ладони и потащили куда-то во тьму. Он не сопротивлялся, не в силах отвести взгляда от тела женщины. И даже когда та исчезла за поворотом коридора, мальчишка вглядывался в её образ, отчётливо отпе-

чатавшийся в памяти. Вскоре свет погас, и ничего уже не мешало ему смотреть в её удивлённые глаза.

Юный король очнулся лишь вечером следующего дня. Покинув свои скромные покои, он вышел в зал, чтобы проверить своих подданных. Как он и думал, слухи быстро разнеслись среди босоногого народа, и все смотрели на него с осторожностью и страхом. Паоло прошёл к своему импровизированному трону, обвёл взглядом смолкших разбойников, и произнёс:

– Они все мертвы.

Паства явно насторожилась, жадно вглядываясь в своего предводителя, ловя каждое его слово, забыв даже дышать.

– И та женщина, и все в той гостинице, – продолжил Паоло, стараясь успокоить и оправдать больше себя, чем своих подданных. – И все мы, и весь этот город – все уже мертвы. Через каких-то две недели весь этот мир сгинет во тьме и холоде, так к чему нам жалеть чью-то жизнь?

Паоло сел на трон и, внимательно посмотрев на каждого прихожанина, закончил:

– Вот вам моё последнее слово: отбирайте всё, что вам приглянется, рвите любого, кто встанет на вашем пути. Все они – трупы, так не к чему жалеть мертвечину. Вскоре придёт тот день, когда завтра уже не настанет. И день тот близко. Так проживите отмерянное так, как всегда хотели. Берите и отбирайте всё, что хотели. Настало наше время. Время крыс!

Спустя неделю ночных вылазок, босоногие дети оборудовали своё гнездо со всей вычурной помпезностью, на которую способен нищий духом, добравшийся до больших денег. Каждый из них теперь носил оружие, относясь ко всему происходящему, как к игре, от чего был вдвойне опаснее. Местные бандиты не совались к обрыву, предпочитая не связываться с вооружёнными до зубов детьми. Им хватало и других забот. Дети же не лезли к ним. Всех это устраивало.

Всех, кроме шефа полиции, который не только потерял долю дани от малолетних попрошайек и карманников, но и приобрёл новую головную боль из-за их выходов. Стая не считала потерю, играя в смерть, а, единожды умывшись в крови, не вела она счёт и убитым. Крысы нападали на патрули, едва заметив их, превратив улицы ночного города в настоящую бойню. Охраны в городе становилось всё меньше, а крыс всё больше. И никто не мог выдать их гнезда, ни один взрослый не знал или не желал говорить, где нора кровожадных мальчишек. По большому счёту, жителям фавелы было всё равно – их крысы не беспокоили, а проблемы горожан не волновали. Для Рио-де-Жанейро наступил самый тёмный час.

В последний день, когда мир и город погрузились в хаос, когда крысы пировали у полыхавших домов, наводнив улицы кровью, шеф сидел в своём офисе, пьяный от горя. Война с крысами отняла у него все силы, а теперь, в преддверии последней ночи, он чувствовал, что проиграл. Достав из ящика пистолет и жетон, мужчина поднялся уже было, чтобы выйти на улицы и лично вершить правосудие, когда в его дверь постучали.

В кабинет вошёл смуглый мальчишка лет четырнадцати. Рваные лохмотья и вьёвшаяся под кожу грязь выдавали в нём уроженца фавелы. Шеф было подумал, что крысы подослали к нему посыльного или убийцу, но тут же припомнил, что те уже давно щеголяли в дорогих одеждах, цепляя их на себя без всякого порядка и вкуса.

– Ты ещё кто? – буркнул недовольно мужчина, не выпуская пистолета из рук.

– Я знаю, где они, – дрогнувшим голосом ответил юнец. – Я могу показать.

– С чего мне тебе верить? Зачем тебе это?

Юнец не ответил. Он лишь стиснул зубы, сдерживая застывшие в глазах слёзы, и сильнее сдвинул в пальцах старенького медведя, залитого ещё горячей кровью.

Паоло сидел в своём шикарном окружении, принимая всё новые дары, которые крысы складывали прямо у его ног. Король крыс светился от восторга – он добился всего, пусть через кровь и предательство, но всё же получил всё, о чём мечтал. Теперь, в самую последнюю ночь для всего человечества, он наслаждался плодами своей кровавой игры. Его маленькие подданные всё несли и несли различные безделицы, сваливая их в огромную кучу, а затем усаживались вместе со всеми за стол, что ломился от блюд, о которых мальчишки не могли раньше даже грезить.

Где-то далеко выли сирены патрулей. Их тревожный гул всё приближался, грозя с минуты на минуту настигнуть и разворошить крысиное гнездо. И что с того? Паоло добился всего. А завтра? Ни для кого не секрет, что завтра уже никогда не наступит.

Best friend

Лучший друг

Джереми Коул был неприлично богат. В свои четырнадцать лет он уже осознавал цену деньгам, а именно: вседозволенность, возможность помогать кому-либо материально и полное отсутствие друзей. Дружба, что казалась прочной, не выдерживала проверки деньгами и в конечном счёте Джереми остался один. Родителям было не до него. Девушки интересовались низкорослым рыжим пареньком совершенно не по причине его заурядной внешности и даже не из-за присущей ему доброты, сострадания и интеллекта. Он понимал это, но не принимал.

Руди появился, когда Джереми было двенадцать. Рыжий, как и он сам, пёс был подарком редкого гостя – дяди из Америки. Конечно, все были против. Причины назывались разные – размеры Руди, которые даже для их особняка казались неприлично огромными; также пёс громко возвещал о своём присутствии лаем, храпом и иногда рычанием; Руди требовал каждодневных длительных прогулок, а нанимать специального человека считалось расточительством. Однако пёс всё равно остался – из уважения к дяде мальчика. Отчасти сжалились и над Джереми, которому, как и любому ребёнку, всегда хотелось собаку.

Мальчик считал своего пса чудом – впервые то, что он так долго просил по ночам, сбылось. Как узнал об этом столь далёкий от них человек, приезжавший в последний раз, когда Джереми исполнилось пять, оставалось только догадываться. Быть может, действительно, всем хочется своё домашнее животное, когда исполняется двенадцать, и дядя помнил об этом из собственного детства.

Руди и Джереми стали настоящими друзьями. Общение их было построено на безмолвном понимании того, что кроме друг друга они больше никому не нужны. И всё-таки они не были одиноки – подросток и большой, просто огромный пёс.

Они могли часами сидеть рядом, ничего не говоря, не двигаясь, но чувствуя бесконечное единение. Люди слишком растрачиваются на болтовню, пытаясь доказать свои чувства. Бегут куда-то, что-то делают, а в итоге диалог душ теряется за чередой бессмысленных фраз и поступков и вспомнить, каков он в чистом виде, становится всё сложнее. Как это важно – уметь молчать рядом с любимым человеком и испытывать от этого счастье.

У Руди и Джереми было именно такое, не искусственное счастье. Пусть его никто не замечал, но оно жило и с каждым днём становилось сильнее.

Джереми верил в апокалипсис. Он зачитывался книгами о конце света, знал все фильмы на подобную тематику и мог назвать около сотни причин, каждая из которых способна была привести к гибели человечества.

Апокалипсис его не пугал. Мальчику виделось в этом нечто геройское. На ум сразу приходили приключения и, безусловно, некая жертва – Джереми, хоть и опечаленный последними событиями, понимал, что так должно было произойти и своё собственное участие в столь глобальном кино жизни считал предопределённым и даже в каком-то смысле судьбоносным, как будто конец света не мог обойтись без его присутствия, как будто он и родился специально, чтобы наблюдать подобное явление и оказаться в гуще событий, если повезёт. Это его подбадривало, избавляло от страха, которому уже поддались миллионы. Он даже пожертвовал круглую сумму со своего счета – всё равно не пригодится – на одного предприимчивого парня из Мексики. Чудак придумал поистине достойную восхищения идею – продать последний восход.

Ну а Руди... Руди жил вместе с ним и, казалось, ни о чём не подозревал. Во всяком случае свои переживания он держал при себе.

Панике поддавались все вокруг, один за другим. Сначала, конечно, взрослые, потом сверстники, а после даже те, от чьих хладнокровных умов Джереми никак не мог ожидать

подобного – собственные его родители внезапно решили прервать рождественский отпуск в коттедже на берегу континента и вернуться в фамильный особняк, чтобы спокойно приготовиться к неминуемой гибели. Во-первых, неприятна была их реакция в столь паническом ключе, и в-главных, родители отчего-то решили, что в автомобиль Руди не влезет и возвращаться домой ему не следует.

Сейчас, ёрзая на заднем сидении, Джереми клял себя только за то, что позволил себя убедить – поддакивая глупым доводам, поверил сам, что Земля выдержит и тогда он вернётся за другом.

«А что если не выдержит и Руди будет умирать в одиночестве?» – с этой страшной мысли всё и началось. Джереми сбежал на заправке. Под весьма весомым предлогом он отлучился и больше родители его не видели...

Несмотря на Рождество стояла жара. Это тоже пытались связать с апокалипсисом, забывая похоже, что находятся в Австралии и, скорее всего, именно на снег стоило бы обратить пристальное внимание, пояись он здесь. Вокруг опалённого предстоящей гибелью городишки витал хаос. Люди, забывая о прежней своей человечности, теперь жили каждый сам за себя.

Джереми долго брёл по горячему песку вдоль трассы. Машин было много – полноценная пробка, но отчего-то никто не торопился подвозить упорно шагающего вперёд юношу. Пожалуй, на протяжении этих десяти с лишним километров родители ещё могли бы догнать его, но они не отправились на поиски своего мальчика по известным только им причинам.

Едкая пыль, забившаяся в нос и горящие, сожжённые солнцем оголённые руки, лишь подстёгивали Джереми идти быстрее – не сдаваться. Ведь брошенному другу могло быть гораздо хуже.

Первая же заправка принесла разочарование – водители, поддавшись панике, вовсю старались заполучить всё необходимое любой ценой. Продавцы даже не пытались брать деньги за покупки, поскольку то был прямой путь под горячую руку. Вскоре ожидаемо послышались выстрелы. В поисках долгожданной полиции многие озирались по сторонам, но копы и не подумали защищать заправку от вандалов – им тоже был нужен бензин и припасы. Они уже не были представителями закона. Они были гражданами, жителями умирающей Земли, с преимуществом в виде оружия и бывшего авторитета.

Джереми решил не ввязываться – в конце концов, у Руди был только он и пострадать означало оставить друга на произвол судьбы.

Солнце жалило кожу открытых плеч всё сильнее и глоток воды с каждым шагом становился самой большой ценностью на Земле. Тогда Джереми побежал. Он знал, что бег на жаре не унимает жажды и сил не прибавляет. Единственное, чем он мог помочь измученному страннику – это стремительное сокращение расстояния, но надолго ли... Скоро должен был появиться маленький магазинчик с журналами, жвачкой и, конечно, водой. Топографической памятью Джереми поистине мог хвастаться. Силы кончились, когда вывеска магазина забрезжила метрах в пятистах. Как всегда бывает на финишной прямой – кто-то припустит сильнее, а кто-то сдастся, сникнет. Коул сник. Он с надеждой поглядывал на скудную растительность вдоль дороги – может она приютит его ненадолго, пока он передохнёт. А затем рассердился на самого себя и, тихонько зарывав, совсем как Руди, побежал – не было времени отдыхать и уж тем более распускать сопли.

Первое, что он увидел у магазинчика, был велосипед – вот отчего он бы сейчас не отказался. Права Джереми ещё не получил. Хотя вряд ли кто-то заинтересуется ими в таком хаосе. Однако он твёрдо решил доехать до пса живым и потому велосипед был наилучшим способом передвижения. Конечно, он принадлежал кому-то – ленивая мысль тут же переместилась за витрину в поисках подтверждения. Этим кем-то мог оказаться как сам продавец, не сбежавший и не испугавшийся, его коллеги на заправке, так и долговязый парень в бейсболке, слишком тщательно выбиравший шоколадку. Почтенную бабулю в расчёт брать не следовало, рас-

судил Джереми. Забрать велик прямо сейчас ему мешала совесть, но больше – дикая жажда, от чего, надо признаться, будет сложновато крутить педали.

– Две бутылки воды, пожалуйста, – не рассчитывая на бесплатную поживу, парень, вздохнув, протянул продавцу свою последнюю мелочь. Какая ирония – у Джереми Коула было огромное состояние и не было возможности купить себе хотя бы шоколадный батончик. Коул усмехнулся – судьба игралась с ним с самого утра.

Он загадал, что, если велосипед никуда не денется, то уедет на нём. Сказано – сделано. Вслед ему ещё долго надрывался свисток и неслась неожиданно звонкая старушечья брань – бабуля оказалась полноправной владелицей двухколёсного транспорта и теперь, размахивая кулаками, неслась со скоростью три шага в минуту за вором, спешившим на помощь другу.

Совесть подала голос почти сразу – может статься, старушка тоже спешила куда-то на своём велосипеде – увидеть семью в последний раз или навестить одинокую подругу, но, скорее, привезти корм своим двенадцати кошкам. Не возвращаться же ему было...

После бутылки воды и благодаря позаимствованному железному коню, дело пошло быстрее и Джереми немного воспрял духом – у мальчика не оставалось сомнений, что теперь он доберётся вовремя.

Спустя двадцать минут ноги, не привыкшие к длительным поездкам на велосипеде, запротестовали, но это было неважно, поскольку впереди маячил забор из людей. Их было так много, что объехать эту кишашую, орущую массу даже на большой скорости не представлялось возможным. Причиной потасовки был огромный супермаркет, из тех, где можно купить всё по «невероятно низкой цене!». Наверняка там закончилась вода или консервы, и люди принялись отнимать их у счастливиц, которые успели стащить продукты чуть раньше. Джереми увидел, как некоторые жители, действуя будто сообща, даже не пытались заходить внутрь – они ловили своих жертв, согнувшихся под грузом добытого, прямо на парковке, силой или угрозами убеждали тех отдать полученное и сгружали всё это в средних размеров трейлеры. В голове Коула сразу возникли схемы перепродажи, которые отлично заработают, если апокалипсис всё же случится, но люди выживут – эти спекулянты могли неплохо нажиться.

Здесь ему тоже было нечего делать – среди кричащих, озлобленных, напуганных. Джереми поднажал и рванул было прочь, огибая супермаркет по приличной дуге. Манёвр вполне удался, если бы не спешащая ему навстречу с той же скоростью нагруженная доверху машина, где в салоне, зажатый пакетами и туалетной бумагой помещался лишь один-единственный водитель. Этому мужичку с бегающими глазками и жидкими длинными волосами, торчащими из-под бейсболки, можно сказать, повезло – он всего лишь помял немного крыло, пытаясь проскочить между плотно стоявших на дороге трейлеров, и с удвоенной скоростью, как вырвавшаяся из лап тигра добыча, проехал мимо едва успевшего убраться в сторону Джереми.

Коул досадливо затормозил, а потом и вовсе прыгнул, испугавшись свалиться под откос с обочины. Вот тогда он и встретился глазами с этой парочкой, смешавшей все его планы.

Они стояли у самого края большой парковки, возле знака «Р», нервно озираясь по сторонам и вздрагивая от криков – мальчик лет десяти и его брат – трёхлетка на вид, перетянутый ремнями потрёпанной прогулочной коляски.

Создавалось впечатление, что мальчики очутились здесь случайно, возникли из ниоткуда на пыльной парковке и теперь не могли понять, где они и главное, зачем. Коул вглядывался в мальчишек пару минут, прежде чем смекнул, что они кого-то ждут. Ждут давно и уже потеряли веру и самообладание. Младший всё время о чём-то плаксиво спрашивал старшего, а тот досадливо кривился, бурчал в ответ нечто, от чего первый сразу замолкал, а сам продолжал нервно разглядывать машины, людей и вход, где двери уже заклинило, к счастью, в открытом состоянии из-за толпящихся в проёме людей.

Он просто постоит с мальчишками, пока за ними не вернуться – всем так будет спокойнее – а потом продолжит свой путь. Наверняка, это не займёт больше часа.

– Привет! – начать разговор в таких случаях, как можно дружелюбнее, важно. Так он читал в одной из книг по психологии, которыми увлекался лет с десяти.

– Вы давно тут? – перейти сразу к главному. Вокруг да около ходить не стоит.

– Мама ушла в пятнадцать ноль-ноль, – деловито сообщил старший мальчик, нарочито поглядев на часы. Огромные, они казались жутко несуразными на тонком запястье мальчишки, застегнувшим широкий кожаный ремешок на последнюю дырочку.

«Отцовские» – промелькнуло в голове Коула.

– Значит, уже час тут стоите? – «На самом солнцепёке...»

– Мама сказала быть здесь, подальше от машин и входа, чтобы она сразу нас нашла, – заученно и твёрдо проговорил мальчик, в то время как его брат во все глаза разглядывал незнакомца, а точнее его велосипед.

– Тут не совсем спокойно, – как ни в чём не бывало, протягивая братьям последнюю бутылку воды, продолжил Коул. – Но так всегда бывает в предрождественские дни, правда ведь?

– Это не из-за Рождества, – серьёзно произнёс старший мальчик и Джереми понял, что обмануть его – дело непростое. Мальчик покосился на брата и продолжать не стал. Тот, по всей видимости, снова собирался спросить, где мама.

– А мама скоро... – как по команде, начал он.

– Скоро! – прикрикнул старший и Джереми понял, что тот волнуется не меньше, просто ответственно играет роль главы семейства.

– Хотите я сообщу по громкой связи, что вы её заждались? – в глазах десятилетки загорелась такая надежда, что ответ, собственно, и не был нужен, хотя всё же прозвучал, степенный и скупой:

– Можно.

– Я мигом, только посторожите велосипед, – Коул, искусно лавируя среди людей и машин, уже летел ко входу, понятия не имея, где там может оказаться стойка администратора и цела ли она вообще.

К счастью та была прямо напротив входа, покорёженная и исцарапанная, но с целым микрофоном. Оператора, конечно, не было, что было только на руку Джереми.

– Раз, раз... – произнёс Коул и только тогда понял, что не спросил, как зовут братьев. – Два мальчика, на вид десяти и трёх лет, ожидают свою маму в назначенном месте и просят её возвращаться скорее, – надеясь, что поблизости больше нет двух мальчиков такого возраста, Джереми повторил объявление ещё два раза, и пустился в обратный путь. Двадцать метров до выхода представляли собой толпу орущих нагруженных продуктами и товарами первой необходимости людей, иные из которых считали, что толчки и пинки продвинут впереди стоящих куда дальше и они быстрее окажутся у дверей. Несколько человек уже лежали затоптанными: кто-то силился встать, кто-то пытался отползти в сторону, кто-то пугающе тихо лежал, все ещё сжимая в кулаках сумки и пакеты.

У одной из таких лежащих Джереми разглядел в руках поводок – крошечная собачонка беспокойно металась на довольно большом расстоянии от хозяйки, то поджимая лапки, то выглядывая из-за многочисленных ног, пытаясь найти путь обратно.

Джереми отвернулся. В таких случаях понимаешь, что невозможно помочь всем, но это и пугает сильнее всего – осознание, что от тебя ничего не зависит.

Вспомнив о служебном входе, Коул метнулся туда. Народу там было поменьше, но в озлобленности и панике им так же было не занимать. Джереми пристроился за внушительных размеров мужчиной, который, словно ледокол, расчищал себе дорогу к чёрному входу. Рисковал Джереми разве что в случае, если его личная стена вдруг начнёт валиться назад – тогда шансов выбраться не будет вовсе.

Так, гуськом, шаг за шагом, попутно протащив между собой и великаном какую-то сухонькую, но энергичную старушку, вроде той, чей велик он украл, Джереми продвигался вперёд. Заветная дверь осталась позади, но только оказавшись рядом с выходом на внешнюю парковку Коул смог свободно вздохнуть. Вдалеке маячил знак парковки и мальчишки по-прежнему стояли там. Велосипеда не было.

Сердце ёкнуло и он, сознавая абсурдность своего поступка, с надеждой огляделся вокруг – может, вдалеке маячили ещё какие-нибудь братья.

Нет, мальчишки стояли одни и к ним, сгибаясь под тяжестью пакетов, приближалась женщина. Было видно, как она уговаривает их уйти, а они отчего-то сопротивляются. Коул направился к ним.

Уже издали, заметив его, старший мальчик принялся отчаянно объяснять, что они не виноваты, велосипед отнял у них какой-то мужчина, как и бутылку воды, что дал им Джереми. Коул вымученно улыбнулся, он понимал ужас малышей, что не смогли уберечь доверенного им, но и простить себе заминку, с которой ему предстояло столкнуться, уже не мог.

– Здравствуйте, – Джереми переключился на мать, слишком молодую и слишком уставшую, – Я рад, что вы нашлись так скоро... – больше ему нечего было сказать и потому эстафету снова переняли мальчишки.

– Мам, давай подвезём его, мам, – заныл старший и было видно, что он давно себе такого не позволял, так как мать смягчилась с первых слов и сдалась прежде, чем тот закончил.

– Мы припарковались в километре отсюда, подальше от суеты, – она тщательно выбирала слова, не желая называть своими именами творящийся вокруг Ад. Мы с удовольствием вас подвезём, – она даже не спросила, куда требуется Коулу, видимо, посчитав, что в его возрасте слишком далеко на велосипеде не уезжают.

Спустя пятнадцать минут пути Джереми уже знал, что Элеонор, мама девятилетнего Пауля и двухлетнего Рона, воспитывает сыновей одна, живут они в одноэтажном домике – единственном наследстве, доставшемся ей от мужа, где вокруг нет никого на пару километров. Пауль уже ходит в школу, а Рон в детский сад на полдня, пока их мама служит домработницей.

– У Швайдербергов, – уточнила она и Коул в замешательстве повернулся к ней.

– Это наши соседи! – воскликнул он, прежде чем сообразил, что выставлять своё положение напоказ неприлично. Впрочем, удивить Элеонор не удалось.

– Я помню тебя, с такой огромной рыжей собакой, – улыбнулась она. – Вы очень сдружились, так? У Швайдербергов, например, три кошки и все они сидят в клетках, как декор в гостиной.

– По правде говоря, за Руди я и ехал. Мои родители отказались забирать его из загородного дома, и я сбежал, – получив одобрительный взгляд со стороны всех троих (мальш Рон, правда, смотрел так постоянно), он продолжил, – я боюсь, что опоздаю, но не могу не попытаться.

– Честно говоря, даже не знаю, далеко ли мне осталось до него.

– Не очень, – загадочно произнесла Элеонор, словно знала дорогу наизусть. А может так оно и было.

«Не волнуйтесь, я доберусь...» – мог бы сказать в ответ Джереми, но не стал – он ужасно вымотался, больше от переживаний за Руди, чем от изнурительного путешествия, и встреча с Элеонор и её мальчиками казалась ему последним приветом от Господа, в которого он верил – правда, как и большинство подростков, лишь оказавшись в беде.

Когда из-за поворота выплыли знакомые крыши коттеджей, уютно гнездившихся на побережье, и стало очевидно, что Элеонор твёрдо намерена довести дело до конца, Коул не мог больше молчать.

– Спасибо, что помогли мне...

– Я хотела сказать тебе то же самое, – грустно улыбнулась женщина. – Кто знает, может, это наши последние добрые дела в этой жизни.

Руди всегда был спокойной собакой и сейчас его лай тоже не раздавался в размеренной ленивой тишине фешенебельного района. У этого могло быть и множество других пугающих причин.

И, безусловно, хотя бы одна из них уже возникла в голове каждого из сидящих в машине.

Так или иначе, до некоторых из домов, пользуясь отсутствием хозяев и охраны, уже добрались мародёры – об этом возвестил звон бьющегося стекла и речь, состоящая сплошь из брани, которая никак не могла принадлежать владельцам элитных коттеджей.

– Остановите здесь, подальше, я только возьму Руди и нужно убираться. В доме есть оружие, но перестрелка в мои планы не входила, – Джереми вздохнул. Едва ли не больше спасения Руди ему хотелось пригласить эту семью в свой шикарный дом, разрешить мальчишкам перелистать всю свою коллекцию комиксов, попрыгать на батуте в саду и угоститься несколькими видами мороженого, но Коул прекрасно осознавал, чем может закончиться подобная блажь.

В принципе, увлечённые процессом, грабители вряд ли обратили бы внимание на идущего по опустевшей улице юношу, но Джереми все равно шёл, пригнувшись, потому что не желал испытывать судьбу.

Руди был умной собакой и поднесённого к губам пальца ему было достаточно, чтобы понять – лаять не нужно, даже если измученные глаза, уставшие вглядываться сквозь щель в ограде, наконец увидели то, что искали, а нос учуял знакомый запах и впервые пёс не поверил ему. Руди лишь продолжил нетерпеливо переминаться с лапы на лапу, с тревогой разглядывая друга – вдруг он лишь жестокая шутка небывалой жары, что не щадила его косматую голову. Но нет – крепкие объятия сомкнулись на рыжей шее, как только Коулу удалось перемахнуть через забор. Руди сдавленно застонал, уткнувшись мордой в грудь.

Оставалось лишь освободить пса от мощного ошейника, который, по мнению Джереми, ему вовсе не был нужен. Родители считали иначе. Мать вообще вообразила, что Руди каждый раз провожает её недобрый взглядом и таким вот образом подстраховалась. Руди был не в обиде, только смотрел грустно и понимающе каждый раз, когда друг надевал на пушистую шею ненавистное кожаное кольцо.

– Эй, парень! – из воспоминаний его вырвал грубый мужской голос. Джереми невольно вздрогнул и поднял глаза, уже зная, кого увидит.

– Ты либо решил свистнуть у нас этого замечательного пса, либо пришёл за своим другом специально. Судя по всему, ты вряд ли мимо проходил, м? – Мародёр, что наверняка уже обследовал особняк его родителей вдоль и поперёк, был похож на сантехника, из тех, что работают на государство – потасканная форма непонятного цвета (он уже мог переодеться в один из отцовских костюмов, но нет – привычка взяла верх), всклокоченные волосы, потная лоснящаяся кожа и пивное брюшко. Такой вряд ли бегаёт быстро, но вот пуля из револьвера мистера Коула вполне могла догнать Джереми – с оружием в руках бегать не обязательно.

– Сынок богачей, м? – Тон его стал угрожающим. Руди, услышав это, тихо зарычал, недвусмысленно оскалившись.

– Моя мама работала здесь горничной, а я помогал ей и выгуливал Руди, – стараясь быть убедительным, Джереми смотрел мужчине в глаза и говорил спокойно, но уверенно.

– Что там, Билли? – послышалось из недр особняка и Коулу стало не по себе. Голос точно был знаком, но от волнения он не сразу осознал, кому он принадлежит.

Мистер Брэд, садовник, премерзкий старик, которого родители уважали по непонятным причинам и позволяли ему творить со своими куцыми лужайками все, что только приходило в приступе креатива в его маразматическую голову.

Если он выйдет и увидит Коула, все пропало. Вражда их не была открытой, но оба знали, что друг друга терпеть не могут, и одной из причин тому был Руди, который, чувствуя настроение друга, проникся к садовнику столь же скверными эмоциями.

– Мальчишка пришёл за собакой, сын горничной, – от его слов у Джереми в животе образовался большой кусок льда. Озноб сотрясал теперь тело мальчика, даже несмотря на тридцатиградусную жару.

– Гони его в шею, – равнодушно отозвался садовник. Видимо у него сейчас были дела поважнее сына какой-то горничной, которого, он, впрочем, никак не мог вспомнить.

– Давай, вали, – процедил мужчина. Ему явно не терпелось вернуться внутрь.

– Пожалуйста, сэр, можно я заберу пса. Он уже старый, ему девять лет, – прибавил он без малого пять, не моргнув и глазом. – За ним нужен уход, он оглох на одно ухо ещё в прошлом году и спит по восемнадцать часов в сутки...

– Ладно, ладно, только вали, чтоб через минуту вас тут не было, – нерасторопных «сантехник» явно недолюбливал. Спустя несколько секунд Руди слишком бодро для девятилетней собаки шагал рядом с Джереми, так и порываясь броситься тому на шею.

Ворота, взломанные и покорёженные, остались позади, и Коул было решил, что можно вздохнуть с облегчением и бежать до оставленной в машине Элеонор с детьми, когда полный ненависти крик заставил его на миг замереть, а потом припустить с удвоенной скоростью.

– Эй, стой, паршивец. Вали его, Билли. Свидетели не нужны.

Видимо, садовник всё же решил посмотреть на странного незнакомца, пришедшего только за псом, и, даже глядя в спину, смог узнать своего врага, хозяйского сынка, миллионера, которого он методично обворовывал последние два часа.

Конечно, он не был дураком и смекнул, что парень наверняка узнал его голос и, случись что, тут же даст против него показания. Ему было невдомёк, что самым большим сокровищем для Джереми был рыжий огромный пёс, что глухо рычал, мчась рядом по уходящей под откос тропинке.

Скоро они скроются из вида, а там останется лишь запрыгнуть в машину и гнать. Старик и любитель глотнуть пивка в костюме сантехника ни за что не догнали бы их. Но вот пули вполне могли. Визг Руди заглушил всё – собственное натужное дыхание, озлобленные окрики, проклятия и грохот выстрела. Пёс припал на передние лапы, недоумевающе подволакивая заднюю и, когда алые пятна на дорожке, оставленные им, подтвердили страшную догадку, Коул разразился криком. Он звал на помощь и тянул на себе скулящего пса, покуда в глазах не становилось темно. Мир сузился до одной мысли – успеть уйти. И в очередной раз, когда от пульсирующей в висках крови, голову накрыла глухая волна, он не сразу расслышал звук двигателя.

Как он будет отбиваться, как убегать, если преследователи не только вооружены, но и сообразили сесть в автомобиль.

Джереми очнулся лишь от звонкой пощёчины и женского голоса.

– ... время выбрал, приходи в себя, – знакомая интонация дала надежду.

Пока они с Элеонор затаскивали раненого Руди внутрь, к ужасу притихших мальчишек, будто впервые увидевших кровь, мародёры смогли подобраться на расстояние достаточное для хорошего выстрела.

– Пригнись! – только и успела крикнуть Элеонор, прежде чем лобовое стекло разбилось вдребезги.

Наверняка она уже сто раз пожалела, что связалась с парнем и его большущим псом, но панике не поддавалась, хотя и находилась внутри разбитого внедорожника в компании с тремя напуганными мальчишками мал мала меньше и подстреленной собакой, тихо поскуливавшей в ногах троицы.

Спустя вечность они наконец выехали на трассу и мчались, несмотря на знаки, с бешеной скоростью.

– Не переживай, в Сербии я была медсестрой. Руди будет как новенький. Вот только доберёмся домой.

Джереми только и смог кивнуть. Оказывается, по измазаным собачьей кровью щекам уже давно катились едва ощутимые слёзы. Хотелось скулить, как Руди, но, слушая жалобы друга, Коул лишь морщился, уговаривая себя, что самое страшное теперь позади и пёс спасён. Никакой апокалипсис не смог бы сравниться с потерей самого дорогого, что было у юного наследника миллионера.

Blodig farvel

КРОВАВОЕ ПРОЩАНИЕ

Странно, почему люди ни перед чем не впадают в такой ужас, как перед безмятежной улыбкой на лице угрожающего им злодея? Ведь если бы тот же самый злодей стоял перед ними, искажённый ненавистью, они наверняка испытывали бы отчаяние, ярость, желание отомстить, а перед ухмылкой убийцы жертвы бессильны, они цепенеют, как будто, то есть символ страшного суда, которого никому не удалось ещё избежать.

Как мерзко, униженно вёл себя этот идиот, когда я стоял, нависая над ним, с ножом и в маске смеющегося негодяя. Какой он был жалкий, отвратительный – подобие мужчины. Катался по полу, ползал, хватаясь за все подряд в поисках защиты, а сам ведь наверняка всё понимал. Понял, ещё когда я вошёл к нему, радостный от того, что наконец нашёл причину моих страданий, после стольких лет мучительных поисков. Жаль, что он был один...

Полиция наверняка уже окрестила это «убийством с особой жестокостью». О нет, дорогие стражи правосудия, это было милосердно. Я бы с гораздо большим удовольствием наблюдал, как он валяется, придавленный бетонной плитой дома, разрушенного наступающим концом света, и никто не желает его спасти, потому что все заботятся только о себе.

Однако шансы такого мучительного исхода невелики, я должен был подстраховаться, мне хотелось видеть всё собственными глазами и, более того, явиться причиной его страданий, как когда-то он стал причиной моих. Никогда вид крови не доставлял мне особого удовольствия, но вчера, глядя, как она растекается под изувеченным телом, я испытал отнюдь не отвращение, а что-то вроде возбуждения и триумфа, как будто звучал торжественный марш и тысячи людей аплодировали моему поступку.

Странно, мне всегда говорили, будто человек, совершивший преступление, неизбежно испытывает что-то вроде мук совести. Я же чувствовал лишь необыкновенный подъем, будто выполнил нечто нужное, к чему давно шёл, планировал, ждал.

Правда у меня было ещё одно дело, мысли о котором вызывали мучительное беспокойство, как перед походом к стоматологу.

Солнце тихо и величественно появлялось в окнах номера отеля. Это последний восход... Грустно, необыкновенно и грустно. И ты, Хенрик, идиот, его никогда больше не увидишь. Я слышал, многие переживали по поводу исчезновения каких-то там звёзд – кому понадобились эти едва заметные точки? Солнце – вот самая яркая, несравненная, могущественная звезда. Никогда не интересовался астрономией, но даже мне было понятно, что не будь солнца, исчезнем и мы. Вот он – конец света – во всех смыслах. Конец жизни.

И я завтра уйду в закат, в небытие. Я глубоко убеждён, что в том хаосе, который должен произойти на Земле, никому не будет дела до поступков отдельно взятого человека, пусть даже он – изошрённый мстительный убийца. Все мы окажемся в одной клоаке – среди разрушенных людских творений, создававшихся с любовью и уничтоженных с безграничной ненавистью Тех, кто будет следить за происходящим с более высокой точки.

Как я отношусь к концу света? Как к подарку Небес! Наконец я могу исполнить то, о чем беспомощно грезил давно. Исполню самому себе назначенную миссию. Как я отношусь к концу света? Да я просто ликую!

Расстраивала меня лишь одна мелочь. Она жила в ста милях отсюда и у меня в запасе по самым нескромным подсчётам было чуть меньше суток, а я привык воплощать свои мечты до конца.

Медлить было нельзя – скоро проснётся весь отель и в мой роскошный номер робко постучится горничная, каждое утро приносящая омлет и кофе. Обедать и ужинать я спускался вниз, в ресторан, важно кивая стоящему у входа в сверкающий помпезный зал дворецкому. Мне доставляло удовольствие любоваться теми излишествами, что в изобилии были представ-

лены вокруг, начиная от блюд в меню, заканчивая бриллиантовыми ошейниками на маленьких бесполезных, вечно мешающихся под ногами собачках. Я любовался и представлял, как все это будет гореть, рушиться, как наряженные дамы будут визгливо кричать «Фифи, иди к мамочке!» – они ещё не знают, что их ждёт, не подозревают, что апокалипсис не пожалеет никого. Перед ними у меня было преимущество – я всё прекрасно себе представлял и мог выбирать, как поступить – встретиться со смертью, глядя ей в лицо, или обмануть её ожидания насчёт меня и пустить себе пулю в лоб. Эта свобода опьяняла. Был ли на свете другой такой человек, столь желающий конца света?

Итак, прощай нелепая роскошь и здравствуй солнце нового счастливого и, что важнее всего, последнего дня Земли. Поколениями люди тревожили твою твердь, и я рад, что удостоился чести видеть, какую месть ты придумала всем им. Я будто бы достал билеты на престижный спектакль и теперь жду с нетерпением начала, заняв место в первом ряду.

Костюм, который я обычно надевал, спускаясь вниз, теперь покоился на дне сумки. Вряд ли он когда-нибудь ещё понадобится. Оглядев осиротевший номер, который, впрочем, уже через несколько минут будет ожидать нового постояльца, я ступил на зелёное полотно дорожки, устилавшей пол коридора. Расплатившись с администратором, удивлённым моим скорым отъездом, я сел в свой выдавший множество дорог автомобиль, и отправился по душу той, которой не суждено было увидеть закат сегодняшнего дня.

Просыпающийся город навевал на меня скуку – годами его жители вставали по утрам, наскоро позавтракав и перелистнув для вида пару страниц свежей газеты, книги или какого-нибудь отчёта, шли к своим машинам и катили на работу, где все также шло привычным, устойчивым ходом. Магазины, маленькие кафе открывались в то же самое время, что и вчера, являя тот же ассортимент, на который всегда находились желающие.

Странно, но шоссе, куда я выехал вскоре, показалось мне гораздо оживлённее и разнообразнее, хотя в этот час машин почти не было.

Первые полчаса езды приносили радость. Затем скука возросла и предстоящее возбуждение от встречи с Ней куда-то выветрилось. Внезапное желание поделиться, рассказать о себе самом, о своей замечательной идее, о своём незабываемом будоражащем нервы слабаков поступке овладело мной. Зачем все это, в самом деле, если никто даже не догадывается о моей сладкой мести. Кто-то обязан разделить со мной радость.

На этой дороге попугачиков всегда было в достатке, но сегодня, как назло, то ли из-за раннего часа, то ли из-за хорошей погоды и соответствующего настроения подобревших водителей, обочины пустовали. Искать попугачика, говорил мой отец – водитель-дальнобойщик – это последнее дело, говорящее лишь о том, что ты чувствуешь себя безмерно одиноким.

А мне хотелось похвастаться! В конце концов я не так часто это делаю. Ни мои родители, ни друзья, ни Она не подозревали, насколько многогранен и необычен я был. Они возможно и гордились бы мной тогда, искали моей компании, но я всегда ставил скромность превыше всех своих добродетелей и оттого получал далеко не по заслугам.

Сегодня был не тот день. Он словно явился из другой жизни. Как если бы их было две: одна длиной в тридцать лет и другая – сегодняшний день. Нынче мне было можно всё, чего не позволялось в прошлой, вчерашней жизни.

Сегодня я буду хвастаться направо и налево. А вот и тот, кто мне нужен. Э, да паренёк явно пьян, в такую-то рань. Или ему тоже всё сегодня можно? Некоторые люди довольно разговорчивы, когда пьяны, некоторые угрюмо молчат. В любом случае, не попробуешь – не узнаешь.

Я тормознул рядом с безвольно повесившим голову юношей лет двадцати. Он ловил машину, в каком-то отчаянии всё поднимая и поднимая большой палец. Меня он вроде и не заметил, или подумал, что я – очередной водила, который со злости швырнёт его на обочину, да ещё и нападдаст ногой в живот. Судя по его одежде, один такой на его душу уже

нашёлся. Он безропотно стоял, смотря в противоположном направлении и все поднимал руку, вглядываясь в пустынную даль.

– Эй, друг! – я окликнул его. – Залезай, подвезу.

Я подождал, пока он медленно, словно не веря своим ушам, повернёт ко мне голову, и, шатаясь, побредёт, чуть приволакивая ноги, к моему авто. Вот он наконец уселся и с благодарностью уставился, улыбаясь. Не такой уж и пьяный. Видел я и похуже.

– Откуда так рано? – не то что бы мне было особо интересно, просто надо же с чего-то начать разговор.

– От подружки. Кинула меня. Говорит, не может меня полюбить, – парень грустно на меня взглянул, и я понял, что тема мне подходит.

– Ты ещё молодой, – начал я, как будто сам был стариком. Это бесило. – Когда-то это покажется просто сном. Только вот не ручаюсь за существование этого «когда-то», дружок, – злорадно усмехнулся я.

– Конец света. Слыхал? – пояснил я в ответ на его недоумевающий взгляд. – И ты и твоя подружка – все вы завтра уже и не вспомните друг о друге. На неё упадёт какое-нибудь дерево, тебя придавит автомобилем. Ну как в фильмах обычно бывает. Доходит?

Он усмехнулся, но по этой неуверенной гримасе совершенно нельзя было понять, верит он мне или считает идиотом.

– Не знаю, как ты собираешься прожить этот последний день, но я бы посоветовал тебе не распускать сопли, оторваться там, куда ты едешь, по полной. Другого шанса не будет, – оживлённо, взбираясь с ногами на свой конёк, начал я.

– Вот как бы ты провёл его, если б смог все заранее спланировать?

Парень явно призадумался и, казалось, даже протрезвел.

– Я бы сводил Кэти в тот ресторан, о котором она мечтала, – промямлил он.

Он был безнадёжен.

– А ещё? – не унимался я.

– Потом мы бы сидели в обнимку на диване, ели попкорн или печенье, целовались, ну потом, как водится, страстная ночь.

Не удивляюсь, что эта умница сбежала от него. Ну и зануда. Последний романтик. Сопляк. Надеюсь, я таким не был.

Он заметил выражение брезгливости на моём лице – так бывало всегда, когда меня что-либо не устраивало – и спросил несколько раздражённо:

– Ну а вы как бы провели?

Наконец-то!

– Для того, чтобы знать, как я провёл бы свой последний день, парень, нужно сначала знать, как я жил до него, не думаешь? Не бойся, я не буду тебе описывать, как повесился мой отец, когда я пешком ходил под стол. Этого не было. Мой отец застрелился, – сказал я и захохотал.

– Но, чтобы понять мои планы на мой последний день тебе явно надо знать мотивы, не так ли? Как там тебя зовут? – я специально говорил с долей пренебрежения. Этот сопляк большего не заслуживал.

– Арне, – промямлил он.

– Так вот, Арне, друг, до твоих лет я и думать не думал о девушках, сексе и уже тем более о диване с попкорном. Но тем не менее, когда однажды мы с моим другом Хенриком – он вечно был наголову выше меня во всем, и буквально и образно выражаясь – пришли в ту кафешку у вокзала, где делали обалденные гамбургеры, именно я заметил двух близняшек, вокруг которых все и завертелось. И крутится, надо тебе сказать, до сих пор.

– Они были как две куклы – одинаковые юбочки, блузки и кудряшки. И лица кукольные, румяные, с горящими глазами, как у восторженного пупса. И имена соответствовали внешне-

сти: Кэри и Мэри. Представляешь? Как будто их предки заранее знали, что из их малышей получится. Кэри стала моей. Несмотря на их сходство, что не удивительно для однояйцевых близнецов, я Кэри смог бы отличить и с расстояния в сто ярдов. Взгляд ее был угрюмым, она будто исподлобья разглядывала всё, что её окружало – оценивая и толикой еле заметной зависти.

Мэри была другой. Лихорадочный блеск в глазах, задорных и хитрых. Щёки вечно пылают. Губы яркие. Генератор идей. Но такая живость не по мне – слишком уж ненастоящей казалась она мне. А вот Хенрику как раз по душе. Они и парой-то были картинной, как в рекламе. Высокий брутальный красавец-блондин и маленькая куклолка с живыми глазами.

Она, малышка Мэри, сгорела так же стремительно, как и жила. И блеск в глазах, и лихорадочный румянец, и даже безумство идей – все это оказалось последствием туберкулеза.

Кэри была безутешна. Нам этого не понять, но у близнецов такая духовная связь, что почти ощущается физически. Это всё равно что, если бы твоя голова была там, на небесах, а тело оставалось на земле. Нет. Не так. Половина тебя сгнила. Ровно половина. Пусто. Ничто. А вторая живёт себе, как ни в чём не бывало. Конечно, Кэри так и не пришла в себя полностью. Хенрик же горевал недолго. Мэри вспыхнула в его жизни и угасла одинаково быстро. Как бабочка, залетевшая ненадолго в его дом, порадовавшая своей красотой и засохшая где-то в углу.

Я думал, причиной тому его легкомысленный характер, а оказалось, он просто не осознал в полной мере этой утраты, ведь у него был дубликат. Как если бы у каждого человека была копия и в случае его смерти можно было ей воспользоваться. Он и раньше-то путал сестёр, хотя на мой взгляд, на это был способен лишь полный идиот. Тогда Хенрик впервые доказал, что он именно идиот и есть. Был.

Отдав должное покойнице, он как ни в чём не бывало, переключился на Кэри, а она и впрямь рядом с ним стала чем-то неуловимо напоминать свою близняшку-сестру. Оживился взгляд, поменялась причёска, появилась искусственная импульсивность. Мэри словно передала сестре после смерти эстафетную палочку.

Я чувствовал себя гадко. Со мной её угрюмость никуда не исчезала, она продолжала сосредоточенно молчать, погруженная в свои мысли, и лишь иногда бурчала что-то в ответ, будто бы я её раздражал и сил не было меня выносить.

В конце концов мне надоел этот контраст, я все-таки как-никак обладал самолюбием, и однажды на свидании сказал ей, что пора бы прекратить нам так общаться. Она странно взглянула, словно я её ударил, а если точнее, отобрал любимую куклу, встала и молча покинула меня. Я ещё не осознал тогда, что навсегда.

Я злился первые три дня, потом жалел, потом мучительно корил себя за причинённую невинному сердцу обиду, потом репетировал речь раскаяния и наконец направился к ней.

– Дальше, как в дешёвом клипе. Ты, конечно, уже догадался, Арне, друг. Я к ней, а дверь мне открывает... Хенрик! Кто же ещё!

Я вошёл. Он всё же ещё был моим другом тогда. У них там свечи, розовое бельё в горошек, фильм – всё, как ты описывал, короче.

(Я вдруг понял, чем вызвала такое раздражение фантазия Арне о последнем дне перед концом света)

– Я вроде пробормотал извинение и вышел, будто меня бесы пинали к двери.

Они потом ещё долго были вместе. Он бросил её, когда она залетела. Она сделала аборт. Все так обыденно и скучно...

– Но, Арне, не думай, что всё так просто закончилось. После той неудачи жизнь моя пошатнулась, как пирамидка из карт – то там, то тут обвал. В себя я отказывался верить, многое стал отрицать, порой нанося себе умышленный вред. И вот вернулся я после череды неудач в наш городишко, в то кафе при вокзале. Гамбургеров тех я там не нашёл, зато нашёл Кэри –

в переднике и за стойкой. Она обрадовалась мне, смотрела с каким-то отчаянным выражением в глазах, обняла, как за соломинку схватилась, щебетала, что вспоминала меня в последние годы каждый день, фантазировала, как бы все у нас сложилось, не будь Хенрика и поступи она иначе.

И я вдруг понял, что причина моих неудач вовсе не во мне. Она – в этой идиотской парочке, что внесла хаос в мою судьбу, нарушили ход моей жизни и даже не заметила этого. Они жили для себя, не видя, как разрушают меня. И тут, Арне, меня как молнией ударило – я понял, чего хотел все годы своего забытья. Я хотел их смерти, я хотел мести, хотел наказать их обоих, хотел остаться один без их отравляющего присутствия в этом мире.

Парень всё ещё пьяненько глядел на меня мутными глазами, но я видел, что ещё чуть и он полностью будет внимать мне. И я разорвал эту грань – я заставил его протрезветь.

– Конечно, мы переспали. На славу. Сбылась мечта этой тупой дуры – я был с ней. Она наверняка была уверена, что проснётся утром в моих объятиях или с чашкой кофе на своём заляпанном столике. Как же! Она проснулась одна, в давно остывшей кровати, а я уже посмеивался в это время по дороге в Берген – я ехал к этому придурку. Поздороваться. Поговорить. Объясниться. Позволить ему излить мне душу. Покаяться, так сказать.

Оказалось, такого известного человека как наш Хенрик – красавчик, найти можно было в любой паршивенькой газетёнке – он там мелькал в качестве директора какой-то фирмочки по изготовлению мебели. Наверняка отец помог – у самого Хенрика на такое мозгов бы не достало.

– Нашёл, в общем, я его через полчаса после приезда, но сразу, конечно, к нему не поехал. Придётся, потратил все сбережения на ствол, нож с зазубренным лезвием – как для помидоров, знаешь?

Я смаковал события, произошедшие со мной чуть более суток назад, а Арне, бедняжка, боялся дышать, слушая о моих приключениях.

– Не люблю, когда все просто, дружище Арне. Когда нож входит в человеческое тело как в масло, какой от этого кайф? Нужно чувствовать его ход, как он миллиметр за миллиметром рвёт плоть ненавистного тебе человека, продвигаясь медленно вперёд. Ты умеешь готовить, дружок?

В ответ – нервный кивок.

– И я умею. У меня матушка была знатным поваром в забегаловке напротив школы, где я учился. Я туда ходил обедать и все мне завидовали, потому что я никогда не платил.

– Так вот, дорогой Арне, чтоб ты представлял. Подобный нож входит в тело человека так же трудно, как если бы ты пытался порезать говядину поперёк волокон. Такой же треск распарываемой ткани, с натугой движущийся инструмент и ощущение такое же мерзкое. Будто ты виноват в смерти этой коровы. Будто готовишь стейк из ещё живого существа. Я, к слову, вегетарианец, а ты?

По его лицу я понял, что теперь он им точно стал.

– Но то корова, а тут был Хенрик. Так что я наслаждался, дрожа от восторга.

Ты в порядке, друг? Я всё последовательно хочу рассказать. Обещаю больше не скакать с места на место.

Быстрый затравленный взгляд. Кивок. Бледный он какой-то.

– Кроме ствола и ножа я купил себе стильный костюмчик, солнечные очки – ну ты их видишь, впрочем. Взял машину напрокат – свою-то так и не получилось купить и поехал на встречу к «дорогому приятелю».

– Хенрик вначале меня не узнал – наверное, из-за костюма. Но я думаю, он просто притворялся. Уж так это было наигранно – «Ой, Эрик! Как ты изменился! Сколько лет!» – и всё в таком роде. Я, безусловно, изобразил тёплую улыбку и с чувством пожал его холеную ладонь.

Затем наврал с три короба про свою процветающую компанию – так, для собственного удовольствия – и позвал его пообедать, как истинный друг и джентльмен.

Эта тварь мне отказала, представь? Я, говорит, работаю до утра и даже ночью в офисе, принялся мне расписывать, как хорошо у него идут дела, как много для этого приходится трудиться, скольким жертвовать.

Я еле сдержался, чтоб не вмазать по его наглой самодовольной физиономии. Но нет, я взял себя в руки, пожал плечами, сухо пожелал ему всего хорошего и свалил.

Чтобы вернуться под утро – в его офис. Он ведь не врал, что ночует там – я видел в приоткрытую дверь кровать и ночной столик. Очень удобно, знаешь ли, когда нет семьи, так вот жить.

Тебе дальше интересно, Арне?

Я вновь обратился к парню. Он вздрогнул от неожиданности и опять молча кивнул. Бесит уже! Хотя слово скажи, тупица!

Рассказывать даже не хочется. Ошибся я в тебе, старина Арне – ты просто сопливый трус.

– В общем, вернулся я в холл его компании далеко за полночь и попросил охранника доложить обо мне, сказал, что дело неотложное, жизненной важности.

Что оставалось делать Хенрику? Он ждал меня с этакой удивлённой улыбкой. Ещё не ложился, по всей видимости.

– Я хотел сразу всё закончить, но любопытство, моё врождённое любопытство не позволило мне просто врезать ему ножом в живот. Я сыграл захмелевшего бывшего приятеля, у которого не ладится жизнь и так нужен совет друга в эту тоскливую ночь.

Я уселся на диван в его кабинете, начал сбивчиво вспоминать юность и ненавязчиво так упомянул.

«Помнишь, мы встречались с ней? А ты потом её увёл. А зачем, кстати, Смитти?»

Он снисходительно мне улыбнулся и говорит: «Эрик, да ты выпил. Пойди, проспись. Кэри и не против была. Я позвал. Она пошла. Дружба дружбой, а самочки не в счёт.»

– Дальше, Арне, дружище, я не помню, как, но я очутился рядом с этим мерзавцем в считанные секунды и, когда пришёл в себя, уже держал его мёртвой хваткой за волосы, да так, что он даже хрипеть не мог.

А потом вдруг спокойствие... Я медленно достаю из-под пиджака, заткнутый за брюки нож, откидываю ему голову, чтобы видел зубастое лезвие, затем рывком наклоняю его башку и, уже не раздумывая, прорываю его живот. Треск был такой жутковатый и неестественный. Будто куклу тряпичную вспарываешь.

– На Хенрика я уже не смотрел – он, без сомнений, в сопли ударился – глядел только на нож. Лезвие было то, что надо – длиннее и я всё погружал его в живот, а там все лопалось – кожа, внутренности. Хотел ещё провернуть, как в фильмах мафиози делают, но как-то вдруг противно стало, что столько времени и денег на него потратил. Я рванул нож. Потом заботливо оглядел его тушку в поисках нового места и, наконец, плюнув, банально воткнул его в сердце. До сих пор поражаюсь, как я театрально поступил. Нож. В сердце. Прямо песня какая-то.

Мой смех Арне не поддержал. Может сказать ему, что я – писатель, а то даст здесь дуба. Вроде неплохой паренёк. И не перебивает.

– Но Хенрик ещё минут пять подышал, сказать всё что-то пытался. Я смотрел на него и думал, как он скучно мрёт. Ну точно драма в театре. Хотелось ему всадить ещё пулю в его милую мордашку. Я не стал. Усталость какая-то навалилась.

Оставил его, вымыл руки, да и поехал к себе в отель. Собрал вещи и вот еду уже полтора часа здесь с тобой, старина. Ну как тебе история?

Арне медленно повернул ко мне лицо, по которому ясно было видно, что он колеблется, улыбнуться мне или многозначительно, осуждающе промолчать. Ему было несказанно трудно

определился – с одной стороны, юношеский пыл подсказывал ему, что так нельзя и нужно обезвреживать всех злодеев, старик же, потихоньку занимающий с каждым днём его пока ещё молодое тело, трясся за жизнь. Я решил его больше не мучать:

– Да не парься так, друг – я ж писатель. Проверяю на таких вот, как ты, сюжетец свой. А ты и протрезвел, я смотрю. Значит, я имею успех.

Я жеманно поправил волосы и расхохотался. Нормальный парень. Не буду рассказывать ему свои планы на Кэри...

Арне недоумевающее вперил в меня взгляд, и я принялся наблюдать, как медленно обретает его лицо свой обычный цвет. Забавно это выглядело – как в замедленной съёмке. Потом он недоверчиво и как-то смущённо улыбнулся, а я решил сменить тему.

– Где тебя высадить? Ты так и не сказал.

Оказалось, он едет в тот же город к другу. Похоже, мои слова про конец света до него не дошли. Ну и дурак.

Через пять минут мы распрощались, ещё через десять я забыл его лицо, голос и, если так пойдёт, скоро я и имени его не вспомню. Скучная серая мышь.

Теперь время терять было не на что – всё что нужно, я купил, остановиться сегодня и навсегда я планировал у Кэри, потому и направился напрямик к ней на работу.

Кафе уже открылось, но на завтрак никто не спешил. Впрочем, как и всегда. Сложно, знаете ли, завтракать хот догами, пищей и запивать это колой вместо привычных тостов с кофе. Я был здесь один. Чтобы не привлекать излишнего внимания я сделал вид, что долго и скрупулёзно изучаю меню, вывешенное справа под телевизором, горланившим какую-то весёлую утреннюю чушь. Телик я не смотрел уже года четыре.

Кэри не появлялась. Не её смена. Что ж, так даже удобнее.

Ничего не заказав, я оставил девушку с копной рыжих, как будто давно нечёсанных волос в задумчиво-скверном настроении. Что ж, для неё день начинался не сказать, чтобы удачно, но если бы она знала участь Кэри...

До конца света, по самым оптимистичным прогнозам оставалось четырнадцать часов. Спешить я не стал и медленно пошёл по улочкам забытого всеми городишки. Такого заброшенного и тусклого, что, апокалипсис точно пройдет мимо, подумав, что тут уже нечего делать. Я шёл знакомыми тропинками к дому некогда любимой женщины. Этим же маршрутом я пробирался к ней вечерами, когда мы планировали поход в кино или на дискотеку. Ничего с тех пор не изменилось в этом городишке, но не в моем сердце.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.